

Встреча

У ПАМЯТИ СВОИ ЗАКОНЫ

Повесть Григория Бакланова «Навеки — девятнадцатилетние» издательство «Советский писатель» сопроводило фотографиями. Орудийный расчет готовится к бою, воины на марше, медсестра, напрягаясь из последних сил, тащит на себе раненого... Неприкрашенная документальность фоторассказа близка по стилистике и ранней военной прозе Бакланова, написанная в конце пятидесятых — середине шестидесятых повестям «Южнее главного удара», «Пядь земли», «Мертвые сраму не имут», роману «Июль 1941 года». И этим произведениям могли быть предпосланы слова писателя, вынесенные на обложку последней военной повести: «Эта книга о тех, кто не вернулся с войны, о любви, о жизни, о юности, о бессмертии. В нашем поколении из каждых ста, ушедших на фронт, с войны вернулся не больше трех».

Думается, здесь уже заключен ответ, почему поколение, к которому принадлежит Г. Бакланов, столь немногочисленное в жизни, дало так много писателей и поэтов. Искусство не случайно называют общей памятью. Оставшиеся в живых не могли не рассказать, какими чистыми, честными, хорошими людьми были погибшие, сделавшие для Родины все, что от них зависело. И рассказать правдиво, так, чтобы новые поколения знали, какая это непоправимая трагедия — война, уносящая самых лучших. Вот почему наша беседа с писателем началась с военной темы в его творчестве.

— Григорий Яковлевич, почему, написав уже «Карпухина» и «Друзья», где речь шла о мирной жизни, опубликовав очерковые книги о поездках в США и Канаду, вы в «Навеки — девятнадцатилетних» вновь возвратились к войне? вновь оставили в центр офицера-артиллериста Владимира Третьякова, в котором просматривается явное сходство с лейтенантом Мотовиловым из «Пяди земли», да, впрочем, узнаете и автобиографические черты?

— Я уже как-то говорил, что в сущности все, что я пишу и что еще надею написать, — это одна большая книга о моем поколении и о времени, в котором оно жило и живет теперь.

Если вы помните, «Навеки — девятнадцатилетние» начинаются так: в местности, где когда-то шли бои, кинематографисты находят останки засыпанного в окопе молодого советского воина, судя по пряжке со звездой, офицера. Такой случай действительно произошел в 63-м году на съемках картины по «Пяди земли». А «Навеки — девятнадцатилетние» я закончил три года назад. Как правило, столько и длится работа над вещью

— 12—16 лет. То есть пишу ее, конечно, год — два, но до того долгое время книга созревает, о ней вроде и не думаешь, а тем не менее она все время прорабатывается в голове. Но уж если быть совсем точным, то «Навеки — девятнадцатилетние» начинались как часть, предшествующая «Пяди земли», а потом я эту первую часть отсек и был очень доволен. А все-таки она не ушла, заставила себя написать через долгое время.

Я пишу о молодом человеке на войне, потому что таким был я сам. Удивительно, но молодые люди даже на войне бывают счастливы. Молодые многого не понимают, они не обременены семьей, детьми, поэтому на фронте им легче. Но в том и состоит одна из самых трагических сторон войны, что убитые молодые люди исчезают совсем, не оставляя потомства, не оставляя продолжения. В минувшей войне исчезла огромная часть нашего народа, его талантов, генетически исчезла, и это невосполнимо.

Работая над «Пядью земли», я еще не задавался вопросом, была ли война неизбежна. А в повести, написанной через треть века после Победы, этот вопрос, пожалуй, самый важный.

— Так кому же принадлежат эти мысли, герою или автору, живущему сегодня, когда угроза новой войны, способной истребить все человечество, возросла многократно? Такое, к примеру, размышление: неужели от всех этих обычных людей, живых, веселых вблизи смерти, ничего не останется на земле? Неужели только великие не исчезают вовсе?

— Этими словами заканчивается эпизод ночного пешего марша батарейцев под командованием Третьякова. Помните медсестру, которая бегаёт, плачет, ищет градусник? Так вот, она была. Был и солдат Кытин, кстати, он носит в повести подлинную свою фамилию. Был и этот ночной марш, и утро было... Ну, а мысль о тех безымянных, которые остались на полях войны и никогда ничего уже не скажут людям, пришла позже. Теперь, на отдалении лет, возникает несколько иной, более обобщенный взгляд на события, который и отражается в новых книгах. Но пишу о тех событиях важно выдержать правило, которое точно определила чешская писательница М. Пуйманова: когда из нынешнего пишешь о прошлом, нужно не нарушить будущего.

— Профессор истории Илья Константинович, главное действующее лицо вашей новой повести «Меньший среди братьев», встретил на фронте своего ровесника лейтенанта Третьякова, героя «Навеки — девятнадцатилетних». Только ли этим

определяется связь двух ваших последних повестей — военной и мирной?

— Третьяков и Илья Константинович — люди одного поколения, но люди очень разные. Илья Константинович живет и не оправдывает надежд, которые на него возлагались. Слишком малый счет он предьявляет к самому себе, слишком многое оставляет на потом. Однако характер профессора далеко не однозначен, и этим был интересен мне. Древние греки говорили, что характер — это судьба. Всех нас формируют жизненные обстоятельства, и однако все мы различаемся по тому, как сами влияем на эти обстоятельства. Одни люди им следуют, уступая и нравственные качества, и талант. Другие сами создают обстоятельства, хотя это бывает нелегко. Да, людям, которые охотно поступаются чем угодно, легче живется. Но если бы не было людей, чей внутренний тормоз — совесть, которые имеют мужество следовать своим принципам, без этих людей, сильных духом и умом, человечество бы выродилось.

Мне могут возразить, что, мол, надо еще посмотреть, каков был бы Третьяков в мирной жизни. Не думаю, что бывает время, когда человек не может осуществить себя. Уверен, что Третьяков не изменил бы себе и преодолел бы испытание и буднями, и соблазнами, которое для иных является чуть ли не роковым.

Вот в романе «Друзья» архитектор Немировский умирает от инфаркта. А началось-то с того, что он шел по привычке в президиум, куда его, оказывается, не избрали. Дальше, погруженный в печальные мысли, Немировский полагает под машину. И хоть остается невредим, воспринимает этот факт как еще больший позор, хотя случилось пустяк. Мне говорили, что я преувеличил, обострил ситуацию. Однако я знаю нескольких человек, которые, когда их не назначили на высокие должности, сочли, что произошло крушение всей системы жизненных ценностей. Так бывает, когда люди не находят в себе нравственных сил служить своему делу, своему призванию, а включают в борьбу тщеславия, мелких самолюбий. А ведь это предательство, предательство в первую очередь по отношению к самому себе.

— Григорий Яковлевич, мы говорим о литературных персонажах так, словно они реальные люди, судим их, примеряем на себя их поступки и ситуации. Что вы думаете о воздействии литературы на читателя?

— Для меня писать означает открывать ту жизнь, о которой пишешь. Постепенно узнаешь

характеры людей, возможности их поступков. Как не сразу открывается человек в жизни, так и при создании книги происходит постепенное узнавание героя. И для пишущего эта жизнь реальна не менее, чем протекающая за окном. Конечно, в искусстве реальность преобразена по законам искусства, но так или иначе в основе произведения лежит действительная жизнь. И чем больше говорит жизнь нашими книгами, тем лучше книги.

Литература воспитывает. Конечно. Но литература — только часть того, что формирует людей. В большей степени человека формирует общество, семья. Разве не в семье усваивается дух предпринимательства либо дух чести и достоинства?

На недавней встрече с читателями мне сказали: у вас добро проигрывает. Но ведь литературное действие не административное, оно обращается к совести читателя, будит ее, тревожит. И если вы на стороне человека (а стного, но проигравшего (а литература всегда заостряет конфликты), значит, книга выиграла, выиграл читатель.

— В повести «Меньший среди братьев» масса точных, узнаваемых реалий сегодняшней городской жизни, густой московской колорит. В связи с этим хочу спросить, что для вас — лично и творчески — значит Москва?

— Я родился в Воронеже, москвичом стал, когда после войны окончил Литературный институт. А первый раз я приехал в Москву шестнадцатилетним к дяде. Макс Григорьевич жил и работал здесь, он и погиб, защищая свой город, — был санитаром в ополчении. И так, шёл август 1939 года. В Москву приехал министр иностранных дел фашистской Германии Риббентроп. Я хорошо помню, как люди подходили к вывешенной на стенде газете, читали и молча отходили. А я ел мороженое и, конечно же, не ощущал, что в незримом ходе истории наступает поворот. Когда-нибудь напишу рассказ о том, как история сливается с судьбой обыкновенного человека.

Сейчас я работаю над повестью, названия еще не знаю. Первая глава начинается у Никитских ворот, у памятника Тимирязеву. Скажу еще, что главное действующее лицо — молодой человек, герой для меня новый, потому что не моего поколения.

Очень хочу написать книгу о Московской битве. Потому что это было самое главное сражение минувшей войны. Без победы под Москвой не было бы Сталинграда, не было бы других наших побед.

Беседу вел
Т. СЕРГЕЕВА.